

Н а т а л ь я
АЛЕКСАНДРОВА

МИКСТУРА ДЛЯ ТЕРМИНАТОРА

АВАНТЮРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Николаевна Александрова

Микстура для терминатора

Серия «Детектив-любитель

Надежда Лебедева»

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137393

Микстура для терминатора: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057680-7, 978-5-403-00419-0, 978-5-17-057681-4,
978-5-403-00420-6

Аннотация

Одинокая женщина с романтическим именем Татьяна Ларина желает познакомиться...

Ну, положим, не столько желает, сколько поддается на уговоры респектабельной приятельницы по отпуску, загоровшейся идеей сосватать ей своего состоятельного знакомого Вадима.

Однако что-то в Вадиме сразу настораживает Татьяну. Во время знакомства с настойчивым поклонником ей становится плохо, а потом снятся странные кошмары, в которых она, как героиня крутого боевика, с кем-то сражается и откуда-то убегает.

После этого Татьяна просыпается в постели с незнакомым мужчиной и с ужасом узнает, что из ее жизни выпали целые сутки...

А потом на жизнь ее близких начинаются покушения...

Татьяна боится обращаться в милицию – кто ей там поверит?

И тогда помочь насмерть перепуганной, измученной женщине берется детектив-любитель со стажем Надежда Лебедева...

Книга также выходила под названиями «Украденное воскресенье» и «Не родись болтливой».

Наталья Александрова

Микстура для терминатора

На перекрестке у автобусной остановки стояли три ярко-оранжевые торговые палатки. Уличные тетки-лоточницы торговали там продуктами и моющими средствами. Дело происходило поздним утром, народу вокруг палаток было немного, и сначала никто не обратил внимания на немолодую бомжиху, которая подошла к крайней палатке. Она терпеливо ждала, пока покупательница уложит в сумку десяток яиц и уйдет, потом сказала:

– Дай два рубля, мне на бутылку не хватает.

– Откуда же я тебе их возьму? – миролюбиво отозвалась лоточница. – День только начался, у меня и выручки-то кот наплакал.

Уличные продавцы не ссорятся с бомжами – те могут порезать палатку, попортить продукты, спереть что-нибудь.

– Дай два рубля, – упрямо повторила бомжиха и сделала шаг в сторону соседней палатки.

Бомжиха была знакомая, толклась здесь на углу часто, поэтому лоточницы не очень волновались.

– Как же я тебе денег дам, когда они хозяйские? – Женщины пытались уладить дело миром. – Ты у людей проси, только на бутылку-то все равно никто не даст.

Бомжиха сделала еще шаг в сторону к третьей, последней,

палатке, где были выставлены порошки, женские прокладки и жидкость для мытья посуды. Возможно, если бы там с ней поговорили по-хорошему, ничего бы не случилось, но именно в это время торгующую в палатке лоточницу подменял муж. Бомжиха подошла с горящим окурком в зубах и невежливо толкнула пожилую даму, которая, близоруко щурясь, рассматривала шампуни. Дама обернулась в негодовании, но, увидев, кто перед ней, брезгливо поморщилась и ушла, ничего не купив. Мужчина разозлился на бомжиху, что распугивает покупателей, а может, ему противно было стоять у лотка и торговать женскими прокладками, и он заорал:

– Какие, к черту, два рубля, вали отсюда, пока я тебе пошее не надавал!

Бомжиха посмотрела на него расширенными глазами, ее вдруг начала бить крупная дрожь, она схватила с прилавка баллон с антистатиком, поднесла к нему свой горящий окурок и направила огненную струю в лицо продавцу. Тот, вскрикнув, схватился за глаза, а бомжиха перевела струю на пирамиду туалетной бумаги. За три минуты, пока ослепший мужчина метался в палатке, загорелось все. Бомжиха продолжала стоять в опасной близости от огня, и когда продавец, стремясь выбраться, опрокинул стол, огонь перекинулся на нее. Рвались баллончики с антистатиком и лаком для волос. Продавщицы из соседних палаток с визгом выскочили и бросились бежать. Рядом с горевшей палаткой стоял ларек

«Союзпечати», сидевшая в нем женщина не могла открыть дверь, чтобы выйти, огонь был совсем близко.

Палатка рухнула, накрыв собой бомжиху и продавца. Воспользовавшись этим, какой-то парень открыл дверь ларька и выволок полузадохнувшуюся продавщицу газет наружу.

Пламя перекинулось на ларек. К моменту приезда пожарных ларек сгорел наполовину, а также две палатки. Жертв было две, остальные успели спастись.

Во всей этой суматохе никто не обратил внимания на припаркованную на другой стороне улицы темно-зеленую «девятку». Сидевший в ней мужчина внимательно наблюдал за происходящим. Потом он удовлетворенно хмыкнул, пригладил волосы тыльной стороной ладони и уехал.

С утра шел дождь, и в магазине ювелирных изделий «Александрит» не было ни одного покупателя. Одна продавщица в уголке разгадывала скандинавский кроссворд в журнале «Лиза», другая вяло кокетничала с охранником. День обещал быть пустым – никаких покупателей. А значит – маленькая зарплата.

Вдруг двери открылись, и на пороге появилась женщина в мокром плаще. Конечно, это была не покупательница – одета бог весть как, пришла, судя по мокрому плащу и грязной обуви, пешком, но продавщицы на всякий случай насторожились. Типичная немолодая домохозяйка, но такие тоже иногда что-то покупают – сережки для дочки или обручаль-

ное кольцо для сына...

Домохозяйка подошла к витрине с обручальными кольцами. Продавщица неохотно отложила кроссворд и спросила, как велел директор:

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

И тут вдруг с женщиной случилось что-то непонятное. Она резко вдохнула воздух, как будто зашипев, отшатнулась от витрины, задрожала крупной дрожью, словно через нее пропустили ток. Лицо ее стремительно побледнело и как-то осунулось, будто она мгновенно похудела килограммов на десять.

Продавщица тоненько взвизгнула – она подумала, что тетка упадет сейчас в обморок и придется вызывать «скорую». Но женщина, вместо того чтобы грохнуться на пол, бросилась вперед и голыми руками разбила витрину прочнейшего закаленного стекла. Продавщица завопила как резаная, вторая немедленно к ней присоединилась. Охранник почувствовал, что пришел его час, бросился на эту ненормальную тетку, собираясь скрутить ее и на дармовщинку покрасоваться перед девочками, но не тут-то было: тетка обернулась и с такой силой отшвырнула его, что он спиной разнес оконную витрину и еле живой выбрался из осколков стекла, которыми, конечно, здорово разрезал руки и лицо.

Женщина вела себя совершенно непонятно – вместо того чтобы набивать карманы ювелирными изделиями, раз уж разбила витрину, она с жутко перекошенным, совершенно

бледным лицом надвигалась на несчастную продавщицу, а та, подвывая от страха, пыталась спрятаться от нее за обломками витрины. Когда, ломая и круша все на своем пути, страшная тетка почти настигла девушку, той удалось поднырнуть под ее руку и выскользнуть, оставив в качестве трофея рукав от блузки.

Тетка развернулась и пошла по следу беглянки.

В магазине творилось нечто невообразимое – пол усыпан осколками битого стекла и закапан кровью, страшная тетка бредет, растопырив окровавленные руки и рыча, как дикий зверь, девушки орут от ужаса... Одна из них как к последнему прибежищу бросилась к охраннику. Парень сам уже пришел в ужас и не знал, что делать. Он выставил перед собой резиновую дубинку и пытался ударить нападавшую по голове, но та отмахивалась от него как от назойливой мухи и продолжала наступать. В это время вторая продавщица опомнилась и нажала кнопку охранной сигнализации.

Озверевшая тетка вырвала-таки у охранника дубинку. Охранник с девушкой, как зайцы, кинулись в разные стороны, выиграв несколько драгоценных секунд. На улице раздался вой милицейской сирены – опергруппа примчалась по вызову моментально, поскольку ювелирный магазин считался объектом особой важности. Милиционеры вбежали в магазин, вытаскивая оружие на ходу, но, увидев, что происходит внутри, оторопели. Тетка же, узрев новые лица, с ходу бросилась на них и уже схватила одного за горло. Парень в

ужасе захрипел, и пришел бы ему конец, если бы его напарник не отбросил привычные стереотипы, мешавшие ему выстрелить в немолодую безоружную женщину, и не разрядил бы в нее всю обойму «макарова».

Женщина обмякла и свалилась на пол, потащив за собой несчастного, замазанного кровью милиционера. Она какое-то время конвульсивно дергалась, а все находившиеся в магазине были в такой растерянности, что не могли сойти с места. Наконец, услышав стоны своего напарника, второй милиционер начал вытаскивать его из-под трупа, что оказалось крайне трудно: руки мертвой женщины были сжаты на горле как тиски, и разжать их смогли только ножом.

Продавщицы капали друг другу валерьянку, охранник искал пластырь, чтобы заклеить многочисленные порезы на руках и лице, а единственный невредимый милиционер срочно вызывал по рации «скорую» для напарника, труповозку для убитой женщины и свое начальство, чтобы отчитаться и оправдаться.

Никто из них, конечно, не обратил внимания на темно-зеленую «девятку», припаркованную неподалеку от магазина. Водитель внимательно наблюдал за событиями в магазине от начала и до конца. Когда все закончилось, он удовлетворенно хмыкнул, поправил волосы тыльной стороной ладони и уехал.

Вы не поверите, но меня зовут Татьяна Ларина. Фамилия

эта у меня не от родителей, а благоприобретенная. Досталась она мне от мужа, вернее, от бывшего мужа, но при разводе я ее оставила из-за дочки. Мужа моего бывшего звали Дмитрий. Да-да, как у Пушкина – «...Дмитрий Ларин, господний раб и бригадир...» и так далее.

Не могу сказать, что при первом знакомстве меня в моем муже привлекло именно это сочетание имени и фамилии. Честно говоря, я уже и не помню, что же меня в нем привлекло. Мы поженились во время учебы, и дочка родилась у нас перед дипломом. Всей нашей жизнью руководила тогда его мама, моя свекровь. Они жили вдвоем очень дружно. Перед нашей женитьбой мои подруги и знакомые разошлись во мнениях. Одни говорили – маменькин сынок, намучаешься с ним, другие – мальчик приучен к дому, не будет где-то шляться с друзьями. Я предпочла послушать вторых и, как оказалось, была не права.

Вообще если послушать мою свекровь, то я всегда не права. С этой фразы она начинала все свои нескончаемые монологи.

– Ты не права, Таня, что встаешь ночью к дочке, – ты разбалуешь ее, и она сядет нам всем на шею.

– Ты не права, Таня, что не отпускаешь Диму на день рождения к его однокурснице, – ты ведь не можешь пойти из-за ребенка, а ему-то за что страдать?

– Ты не права, Таня, когда противишься, чтобы Дима поехал со мной отдохнуть, – ему это будет полезно, да и мне

не скучно.

– Ты не права, Таня, когда так стираешь рубашки, жаришь котлеты, моешь пол...

И еще много всего, и, наконец, последнее:

– Ты не права, Таня, когда обижаешься на меня, ведь я желаю тебе только добра.

И я соглашалась с ней во всем. Только недоумевала, почему же она не сказала мне перед свадьбой:

– Ты не права, Таня, что хочешь выйти замуж за моего сына.

И я бы согласилась с ней и не вышла... но тогда у меня не было бы Аськи. Аська стоит всех жертв.

Свекровь работала в школьной библиотеке и была помещена на литературу, причем именно на всей этой классике. Когда мой будущий муж повел меня с ней знакомиться, она провела краткий опрос, выяснила уровень моих знаний по литературе, нашла его вполне удовлетворительным и разрешила Димочке со мной встречаться.

Во всей нашей семейной жизни не было ничего интересного. Свекровь осточертела мне через месяц, а муж – через год, но уже была Аська. Это все свекровь, у нее в то время в школе был тургеневский период, вот она и назвала внучку Асей.

Время шло, я уже тихо зверела. Однажды мне приснилось, как свекровь говорит:

– Ты не права, Таня, что хочешь придушить меня, – тебя

посадят, и ребенок останется сиротой.

Самое интересное, что мы никогда с ней не ругались, она очень вежливая и интеллигентная женщина, а я не могу начинать первая, и вообще мне неудобно обижать пожилого человека, для этого я слишком хорошо воспитана. До десяти лет меня воспитывала бабушка, потом родители, но это словосочетание – «бабушкино воспитание» – стало в нашей семье ругательным. Я застенчивая, доверчивая и абсолютно непрактичная. Это все от бабушкиного воспитания, как считают мои родители, а я думаю, что это уж просто от природы мне так не повезло.

Когда моей дочери Асе минуло четыре года, умерла моя тетка, старшая сестра матери. Родственники затеяли перераспредел площади и общий обмен, в результате которого мне досталась комната в коммунальной квартире. Удивительно, как у меня тогда хватило ума не рассказывать им про мои нелады со свекровью, иначе родители посчитали бы, что я все равно к ним вернусь, и ничего бы мне не дали. Пока там все утряслось, пока я раздумывала, прошел год. Однажды утром, перед тем как встать, я поймала себя на том, что с тоской жду свекровиноного неизбежного: «Ты не права, Таня, что...» Это был выходной, я собрала вещи, взяла Аську и ушла жить в свою коммуналку. Муж сделал было попытку уйти с нами, но со свекрови мигом слетела вся интеллигентность, она пришла в такое неистовство, что он быстро сдался. Сначала папочка навещал нас с Аськой довольно часто,

потом все реже, а потом нам стало так хорошо вдвоем, что менять мы ничего не захотели. Я к тому времени уже нашла приличную работу – бухгалтером в магазине импортной сантехники, не по специальности, естественно, но сейчас это не важно. Теперь могу прокормить и одеть себя и дочку и тещу себя иллюзией независимости.

В нашей коммунальной квартире три съемщика; кроме меня, еще двое. Угловую, самую большую, комнату занимает Ксения Павловна, лет ей под семьдесят, но она еще довольно бодрая. Основное ее времяпрепровождение заключается в том, что она пилит. Пилит мальчишек на улице, пилит дворника, владельцев собак и автомашин и, разумеется, соседей. Достоинство у нее только одно, зато большое – она неделями живет в семье дочери. Там она пилит зятя, он, как видно, человек терпеливый, его хватает на две-три недели, потом он скандалит и гонит тещу вон. Та заявляет оскорбленно: «Уйду и больше никогда не приду!» – и действительно уезжает домой и принимается пилить нас, что запустили места общего пользования, что Галка завела кошку и так далее.

С Ксенией через стенку живем мы с Аськой, а дальше другие соседи – большая семья, Сергей и Галка с двумя детьми. Сергей русский, у Галки на самом деле какое-то другое имя, она полукровка – отец был русский, а мать из какой-то народности Северного Кавказа. Таким там, в «горячих точках», хуже всего. Они приехали сюда года три назад, купили комнату и теперь пытаются заработать на квартиру. Они во-

обще-то челноки, но ездит один Сережа, потому что у Галки двое детей, их не с кем оставить. Старшая их девочка – ровесница Аськи, есть еще двухгодовалый Стасик, который появился на свет по ошибке – от всех переездов, стрессов и перемены климата. Когда Галка обнаружила, что беременна, было уже поздно что-либо делать.

У нас с Галкой деловое соглашение: она забирает девчонку из садика и надзирает за ними весь вечер, ведь я приползаю с работы не раньше девяти, а я зато сижу со всей этой компанией в выходные, пока Галка торгует на рынке.

С Ксенией Галка скандалит по-страшному, только я могу ее урезонить. Галка удивляется моему спокойствию, просто после жизни со свекровью мне уже все нипочем. С Ксенией я всегда во всем соглашаюсь, и она сразу успокаивается. Но у Галки характер горячий, она, как Баба-яга, всегда против. Атмосфера в квартире была бы невыносимой, если бы полгода назад, когда Ксения в очередной раз жила у дочери, ей не позвонили из собеса. Им требовалось что-то уточнить, и тогда мы узнали потрясающую вещь: Ксения по паспорту, оказывается, не Ксения, а Ксантиппа! Мы пришли в полный восторг, а Галка, предварительно выяснив у меня, что Ксантиппой звали жену Сократа, страшно злую и сварливую бабу, по приезде Ксении пошла в атаку.

– Ксантиппа Павловна, как вам ваше имя подходит!

– Ксантиппа Павловна, а мужа вашего не Сократом звали?

Старуха, услышав ненавистное имя, переменялась в ли-

це и удалилась в свою комнату. Мне даже стало ее жалко – удружили же родители человеку!

Галка бурно праздновала победу:

– Все, теперь она у меня будет шелковая! А то ишь разошлась, мочалка старая!

Это еще самое мягкое из Галкиных выражений, бывают и похуже. Галкин муж, Сергей, очень уважает меня за то, что я не позволяю ей ругаться и хорошо влияю на детей.

Отпуск у меня был запланирован в августе, ближе к концу, и мы заранее сговорились с Ленкой Кузнецовой, моей школьной подругой, взять детей и поехать в Болгарию, на Солнечный Берег. В конце августа там самый сезон, а Солнечный Берег – лучшее место для отдыха с детьми: там куча всяких аттракционов, водяных горок, бассейнов и прочих детских радостей. Но Ленка моя отличается тем, что стоит ей купить билет на самолет, и на всей европейской территории устанавливается нелетная погода. Это к примеру. В данном случае погода была вполне сносная, но Ленка прокололась с загранпаспортом, он у нее как раз закончился, надо было оформлять новый. А эта растяпа спохватилась в последний момент. Нашла турфирму рядом со своей работой, там были очень обаятельные сотрудники. Они гарантировали ей, что паспорт будет готов самое большее через три недели, а до отпуска оставалось еще полтора месяца, – в общем, все хорошо. Она спокойно ждет свои три недели, идет за паспор-

том, а ей эти обаятельные люди говорят, что в ОВИРе паспорт немножко задерживается и не могли бы вы зайти завтра. Она заходит завтра, потом послезавтра, потом на следующей неделе, потом после дождичка в четверг... Потом я ей говорю, что пора уже идти выкупать путевки, а у нее еще нет паспорта. Я понимаю, в этой турфирме очень обаятельные люди, но я не могу перенести свой отпуск, потому что в октябре сдача квартального баланса и прочей налоговой пако-сти и мне кровь из носу надо быть на работе.

В общем, я тянула до последнего, потом все же махнула на Ленку рукой и полетела в Болгарию одна, то есть не одна, а с Аськой. А Ленка до сих пор ходит в эту несчастную турфирму. Такой уж она невезучий человек.

Но речь не об этом. Прилетели мы с Аськой в Болгарию, а тут как назло жутко похолодало. Ей-богу, у нас в начале сентября так холодно не бывает, а тут все-таки юг, Черное море!

Я натягиваю на себя все теплые вещи, какие есть, и сижу у бассейна, клацая зубами. Потому что мою морозоустойчивую дочь все равно не вытащить из воды. Ну а я сижу в шезлонге, заворачиваюсь в купальное полотенце поверх свитера, пью кофе по-турецки и изо всех сил изображаю наслаждение отдыхом, чему несколько мешает телевизор, откуда еже-часно нахально сообщают, что в Санкт-Петербурге двадцать шесть градусов выше нуля и ветер южный.

Я размышляла о том, что так ли уж не повезло моей по-

друге Ленке. Конечно, отпуск у нее сорвался, но зато деньги целы. Ну ладно, я все-таки в отпуске, могу на две недели забыть такие страшные слова, как счет-фактура и товарная накладная, а это уже чего-нибудь стоит.

Я любовалась своей дочкой, которая с визгом съезжала в бассейн, и тут ко мне подкатился какой-то нахальный соотечественник прилично за пятьдесят, разя французским одеколоном и стряхивая невидимые пылинки с рукава пиджака от Версаче, и начал клеиться, по выражению Галки, внаглую. Не знаю, чем я его привлекла – я уж так плотно упаковалась от холода... Разве что полотенце ему очень понравилось. Я продолжала пить свой кофе уже без всякого удовольствия, с тоской поглядывая по сторонам, потому что уйти далеко я не могла – Аська-то в бассейне. Потом я заметила неподалеку на соседнем шезлонге даму, интересную такую даму, примерно от тридцати до сорока, всем хорошую даму. Она смотрела на меня с явным сочувствием и вдруг громко сказала этому престарелому ловеласу:

– Простите... молодой человек, это не вас там жена ищет? Полная такая...

Его как ветром сдуло.

Мы с дамой посмотрели друг на друга и рассмеялись. Потом я ее поблагодарила, а она и говорит, да вы откуда, да вы из Питера, – да что вы, я тоже из Питера, – а вы здесь первый раз, – нет не первый, но с погодой так вышло впервые, а это ваша дочка, – да, моя, – какая славная, да вы не бойтесь, у

меня глаз не дурной, – да что вы, я в эту ерунду не верю, – а что вы делаете по вечерам...

Слово за слово, так мы и познакомились с Валентиной. В отпуске большое дело, если есть с кем перекинуться словом и оставить ребенка на двадцать минут, и вообще вдвоем чувствуешь себя гораздо увереннее, именно поэтому мы и собирались ехать в отпуск вместе с Ленкой.

У Валентины оказался такой интересный талант – все про человека выведать, ничего ему про себя не рассказывая, так что к концу отпуска она была полностью в курсе всех моих дел, так сказать, моих успехов в работе и счастья в личной жизни, а я про нее только знала, что она замужем, и то только когда прямо спросила – тогда только она ответила, и то совершенно односложно – да, замужем, и все.

Нельзя сказать, что весь отпуск мы были с ней неразлучны. Встречались мы каждый день, но ненадолго. Она заигрывала с Аськой, но неумело, чувствовалось, что с детьми она никогда не имела дела. И вот, когда я опять сидела в шезлонге на берегу бассейна, мне как-то пришла в голову мысль, а что же, собственно, Валентина здесь делает? Из каких-то крупиц разговора мне удалось выяснить, что у нее свой собственный бизнес, какой уж – я не знала. Она сказала, что приехала одна. Чтобы ото всех отдохнуть. Странно... Отдохнуть – на детском курорте? И потом, я работаю не в продуктовой лавочке, в магазине импортной сантехники, очень, кстати, дорогом. И хоть непосредственно с покупате-

лями я не общаюсь, но все же глаз у меня наметан. Ребята у нас в магазине видят клиентов сразу же и с порога определяют, кто что купит и на сколько. Во-первых, это, конечно, машина. А если не машина, то зимой у женщин – шуба, а летом – повадки. Бывали, конечно, случаи, когда из шикарного «кадиллака» вдруг выпадали мужичок сельского вида и бабуля с клюкой или немолодая тетенька в лыжной куртке покупала мебель для ванной ценой сто двадцать восемь тысяч. Но это редко.

Так вот, по повадкам и внешнему виду Валентины я сразу же поняла, что эта женщина весьма обеспеченная. Такие отдыхают на Канарах, на Майорке, плавают с аквалангом в Красном море, как нас соблазняет реклама. А Болгария – это для таких, как я, которые работают по найму и живут на зарплату. И нечего ей здесь делать. Конечно, у богатых свои причуды, но... Но Валентина производила впечатление женщины, которая твердо знает, чего хочет, иногда это в ней было слишком явно заметно.

Так, например, как-то она заявила мне вроде бы к слову: – Ты, Татьяна, женщина привлекательная, спору нет. Но тебе обязательно нужно кого-нибудь найти. Терпеть не могу, когда что-то хорошее пропадает даром. Здесь-то, конечно, вряд ли ты приглядишь себе что-то приличное, а вот в городе я этим займусь. Устрою тебе приличного человека, не с улицы.

Напрасно я уверяла ее, что приехала в Болгарию вовсе не

за этим, что с момента моего официального развода с мужем прошло восемь месяцев и что я совершенно не хочу снова замуж – не только из-за Аськи, но вообще...

– Нет-нет, – говорила Валентина, – солидный обеспеченный муж – это именно то, чего тебе не хватает в жизни.

Я вообще-то не люблю, когда за меня думают. Вот когда за меня что-то делают – особенно мою посуду – это я одобряю. Но вот когда за меня думают и решают за меня, чего мне не хватает в жизни, – это увольте. Но Валентина была таким человеком, что с ней было очень трудно спорить. Почти невозможно. И потом, я решила тогда, что это у нас с ней был обычный отпускной треп, и не волновалась.

Помню еще одну странность. Мы не собирались с Аськой никуда выходить вечером, но накануне отлета погода наладилась, и мы решили погулять по берегу моря. Когда мы возвращались, Аська зашептала мне на ухо:

– Mamочка, посмотри, вон в ту машину села тетя Валя.

Машина уже отъезжала, она была шикарная, и я успела только заметить силуэт мужчины спереди.

– Тебе не показалось?

– Что ты, ее платье, – ответила моя глазастая дочь.

Я пожала плечами – какое нам дело, куда и с кем ездит Валентина по ночам? Но это подтверждало мои мысли о том, что Валентина на курорте не просто так, а с целью. Может быть, бизнес?

На следующий день мы улетели домой, начались трудовые

будни, Болгария забылась моментально, только Галка долго посмеивалась над нами, что стоило, мол, на юг ехать, чтобы там в теплом свитере весь отпуск просидеть.

* * *

Валентина позвонила в пятницу мне на работу:

– Танюша, дорогая, брось все, завтра приходи к нам, я нашла тебе потрясающего человека. Это именно то, что тебе нужно. Замдиректора крупной фирмы, квартира есть, потрясающе хорош, а самое главное – в данное время он как раз свободен, развелся со второй женой, так что у вас могут сложиться серьезные отношения.

– Ты считаешь, сейчас для него подходящий момент для серьезных отношений? – усомнилась я. – Помню я свой развод, я тогда два месяца смотреть не могла на все, что в брюках, даже свои джинсы выбросила.

– Ну, дорогая моя, не все же воспринимают развод так серьезно, как ты! И потом, это ведь тебя ни к чему не обязывает, познакомишься, ну, не понравится – так и ладно. Да ты как его увидишь – из рук не выпустишь, такой мужчина! Я ему про тебя рассказывала, он не против познакомиться.

Но меня одолели сомнения.

– Неудобно как-то, прямо смотрины у тебя получают.

– Ну что ты, Татьяна, это мой брат троюродный, приличный человек, я его давно не видела, не знала, что он в раз-

воде. И где, по-твоему, люди знакомятся? Не на улице же! А на работе у тебя, сама говорила, одни дебилы. А которые немного с мозгами, так все женатые.

— Это верно, но...

— Никаких но! Записывай адрес, мы живем на Петроградской.

В субботу Галка по моей просьбе вернулась с рынка пораньше и застала меня в раздумьях. Глядя на разложенную по всей комнате одежду, Галка покачала головой:

— Это все не то!

Я не особенно доверяю ее вкусу, но вынуждена была с ней согласиться.

— Что делать, Галка? Вроде и шмоток у меня много, а надеть нечего, то есть чего, но хочется чего-то...

— Говорила я тебе, купи то платье, а то все у тебя черное да серое!

— Сейчас модно... — слабо протестовала я.

— Ладно, идем ко мне, посмотрим что-нибудь из новых шмоток.

— Да что у тебя там есть, все турецкое да польское!

Галка рылась в шкафу и бурчала оттуда что-то недовольное.

— Турецкое, говоришь? А это ты видела?

Она держала в руках пакет, быстро вытащила его содержимое, это оказался костюм. Фасон был самый простой — прямая юбка и жакет, но все дело было в цвете. Цвет был

голубой с сероватым отливом, цвет голубого льда, а еще там было немножко светло-лилового. Я обожаю такие, мне вообще идут цвета, в которых не меньше трех оттенков, серо-бу-ро-малиновые, по выражению Галки.

Я посмотрела бирку: Made in Italy.

– Откуда он у тебя?

– Случайно. – Галка вздохнула. – Вообще-то я для себя брала, но... – Она с грустью оглядела свою фигуру.

Действительно, после Стасика ее здорово развезло.

– Меряй, Татьяна, время дорого.

Я посмотрела на себя в зеркало – действительно, это был мой цвет. Сидел костюм не очень, но цвет... Галка была пол-на энергии:

– Вот тут переставим пуговицу, мне пиджак был в обтяжку, а тебе будет свободно, так даже лучше, а юбку заколешь вот так, двумя булавками. Надеюсь, ты не собираешься в первый же вечер перед ним раздеваться?

– Ты что, с ума сошла?

– Тогда все в порядке, никто ничего не заметит. Макияж надо бы поярче.

– Не надо, – твердо ответила я, – этот как раз подходит.

– Пожалуй... Как к глазам идет, Танька! Да ты прямо красавица!

К этому костюму очень подошел комплект, доставшийся мне в наследство от бабушки. Кольцо и сережки, старинная работа, белое золото, бирюза, а вокруг маленькие алмазные

сколочки. Само по себе все это было недорого, но понимающие люди оценивали работу, а для меня этот набор был просто бесценным, потому что память о бабушке. Носила я его редко, уж очень стал хрупким, но сегодня такой случай... Перед выходом я слегка побрызгала за ушами из маленького пузырька «Мажи Нуар», который назло всем купила сама себе на прошлый день рождения, и отправилась в новом костюме начинать новую жизнь.

Квартира была на Петроградской в красивом старом доме. На двери красовалась медная табличка с совершенно стершейся надписью – прочитав ничего нельзя, но не снимали ее, должно быть, из-за красоты. Звонок старый-престарый. Даже не звонок, а ручка, которую надо повернуть. Я повернула.

Дверь открылась, и передо мной появился такой красавец, что я обомлела: черный, лохматый, огромный. Нечеловеческой красоты. Конечно, нечеловеческой – ведь это был ньюфаундленд. Он смотрел на меня глазами, полными ленивой задумчивости, и взгляд его вопрошал: «Ну чего вы все от меня хотите? Ну ладно, я готов ради вас на все, но надеюсь на вашу порядочность».

– Здравствуй, – обратилась я к нему. – Как тебя зовут? Ты сам открываешь дверь гостям?

– Цезарь. Он учится, но пока еще не умеет, – последовательно ответили мне из-за спины ньюфаундленда на оба моих вопроса.

Я всмотрелась в темноту за Цезарем. Там стоял малоинтересный мужчина лет под сорок, может, и меньше, худощавый, не слишком высокий, какой-то слегка потертый. В общем, не герой моего романа.

– Добрый вечер, – сказал «негерой». – Вы, я думаю, та самая Татьяна, приятельница Валентины, которую она так ждет?

Я только открыла рот, чтобы спросить из вежливости, как его зовут, но налетела Валентина и увела меня. Я почти не опоздала, гости еще не все собрались. Оказалось, что у Валентины ожидается много народу, я успокоилась – так даже лучше, а то сидели бы вдвоем и пялились друг на друга. Валентина вылетела в коридор, наскоро познакомила меня с мужем, симпатичный такой, но, по моим наблюдениям, здорово у нее под каблуком. Это неудивительно, Валентина – женщина с активной жизненной позицией, полная противоположность мне.

– Пойдем со мной. – Валентина потянула меня на кухню. – Его еще нет, – зашептала она, – ты пока тут побудь, расслабься.

– Народу много у тебя будет?

– Да будут, так, ерунда.

– А кто это мне дверь открывал?

– Ах этот... – Валентина скривилась. – Это мужа школьный приятель. Живет тут рядом, друг дома, так сказать. Вечно у нас торчит, на все праздники его приглашают. Жена его

бросила, вот мой теперь с ним нянчится.

Я поняла, что не очень-то муж у нее под каблуком, раз сумел настоять на своем, ведь, судя по ее кривой улыбке, Валентина этого типа явно недолюбливает.

– Ты что такая бледная? Тебе надо взбодриться.

Валентина достала из шкафчика графинчик и две маленькие рюмочки.

– Вот, давай, за твою удачу!

Я выпила глоток тягучей липкой жидкости, очень крепкой, даже голова немного закружилась. Валентина вынимала из холодильника закуски.

– Тебе помочь?

– Да ладно, вот погляди в зеркало, наведи красоту.

Я отошла к окну, кухня была огромная, вся отделана по последнему крику и уставлена бытовой техникой, да все в этой квартире было огромным. И, судя по всему, старым оставался только звонок на входной двери, все остальное, кроме стен, было переделано по европейскому стандарту.

– Сколько у вас комнат?

– Всего три, но зато большие. С нами еще свекровь живет. Всего три на троих человек и собаку. Живут же люди!

– Как я хоть выгляжу-то, Валя?

– Все хорошо, – рассеянно сказала Валентина не оборачиваясь.

У меня вдруг заломило в висках и показалось, что дом напротив слегка пошатнулся. Я схватилась за подоконник.

– Что с тобой? – тербила меня Валентина. – Тебе плохо?

– Голова что-то болит и кружится, может, этот ликер...

– Глупости, выпила-то всего глоточек. – Валентина протягивала мне какие-то таблетки.

– Сейчас придешь в норму, это замечательное лекарство, оно абсолютно безвредно. Просто поднимает давление, сразу почувствуешь себя лучше.

– Не надо, Валя, со спиртным нехорошо таблетки пить.

– Да какое спиртное? Выпей таблетку, через полчаса еще одну. Их обязательно надо пить вместе.

Она буквально силой впихнула в меня одну таблетку, и действительно, минут через десять мне стало лучше.

Валентина все посматривала в окно, потом позвала меня:

– Вон, смотри, зеленая «девятка» подъехала, это он. Ты не думай, – заторопилась она, – у него «БМВ» еще была. Так получилось, что он ее жене оставил.

– Да какая разница? – Я пожала плечами.

– Правильно, не в машине дело. Сейчас он поднимется, сама увидишь.

Он поднялся, я увидела. Насчет того, что он красавец, Валентина немного преувеличила, но на первый взгляд он был довольно привлекателен. Лет ему было примерно тридцать пять, пиджак хорошо сидел, держался он уверенно, но без наглости. Когда нас познакомили, он оглядел меня цепким взглядом и долго не отпускал мою руку. Меня познакомили еще с кем-то, я помню одну только приятельницу Валенти-

ны, очень полную брюнетку Альбину.

За столом мы с Вадимом сидели рядом. И шампанским чокнулись со значением, он выпил полбокала, глядя мне в глаза. Я тоже не допила свой бокал, боялась, что опять станет нехорошо. На всякий случай я решила мало есть, мало пить, вообще не курить, чтобы сохранить ясную голову на сегодняшний вечер. Чувствовала я себя неплохо, только в голове чуть шумело. Когда отодвинули стол, я зашла на минутку в ванную. Все было в порядке, выглядела я отлично, глаза блестели, щеки порозовели от шампанского, меня дожидался весьма привлекательный мужчина, чтобы увести танцевать, – а, будь что будет, один раз живем, как говорит Галка. Этот вечер мой. Буду наслаждаться жизнью.

На выходе меня перехватила Валентина.

– Ты выпила вторую таблетку?

– Какую таблетку? Ну конечно, выпила, – соврала я.

Валентина не отстанет, пока не заставит меня выпить вторую таблетку, такой уж у нее характер. А мне сегодня и так достаточно всякой химии в организме. Я плохо переношу таблетки и стараюсь поменьше их принимать.

– Когда это ты выпила? – подозрительно спросила Валентина.

– Да только что здесь, в ванной. Не могу же я у него на виду лекарство принимать, он еще подумает, что у меня со здоровьем не все в порядке.

В гостиной играла музыка, Вадим пригласил меня танце-

вать.

– Ты потрясающая женщина, Таня, – шептал он и целовал меня в ушко, – я давно не встречал таких, как ты. Я думал, что не смогу кем-нибудь увлечься, но ты разбудила во мне такое, что я и сам не подозревал... – и так далее в таком духе.

Все это было очень приятно, только немножко скоропалительно, но я отгоняла от себя эти мысли. Музыка играла какое-то ретро, так приятно было двигаться в мужских объятиях. Когда я в последний раз танцевала вот так, со значением? Не помню, кажется, когда еще была не замужем. И вообще, когда меня последний раз носили на руках? Тоже еще до замужества. И на машине меня возит только директор магазина Миша в банк или по делу. И цветы... Тут мысли мои прервались, потому что Вадим прижал меня к себе особенно сильно. В комнате был полумрак, никто на нас вроде бы не смотрел, но все равно мне стало неудобно. Я попыталась мягко высвободиться, повернулась и почувствовала, как сзади что-то лопнуло. О Боже, это расстегнулась булавка на юбке. Судя по всему, только одна, потому что иначе юбка начала бы уже сползать вниз. Пока еще юбка держалась на талии, но проклятая булавка впилась мне в поясницу. Я чуть повела бедрами, Вадим воспринял это как сигнал к действию, руки его скользнули со спины мне на талию, и булавка так больно меня уколола, что я еле сдержала стон.

– Поедем сейчас ко мне, – возбужденно шептал Вадим, а руки его спускались все ниже, – забудем все, ты просто чудо!

Если бы не булавка, я бы, наверное, поддалась на его уговоры, потому что в голове шумело, я плохо соображала и вся обстановка действовала возбуждающе – хотелось бросить все и почувствовать себя желанной. Но укол булавкой меня несколько отрезвил. От всех моих телодвижений булавка выскользнула и шлепнулась на пол. За шумом и музыкой никто этого не заметил.

Как бы там ни было, а сначала нужно привести в порядок свой туалет, а то юбка может упасть прямо тут. Ноги мои не стыдно показать, но, боюсь, окружающие неправильно поймут.

– Конечно, конечно, – рассеянно пробормотала я, – а сейчас мне надо выйти. И потом, нельзя так сразу, побудем еще немного, а то Валентина обидится.

Он с неохотой отпустил меня, мелкими шагами я бросилась в коридор, хотела было зайти в ванную, но мне нужна была булавка, а лучше иголка с ниткой, чтобы зашить эту чертову юбку наглухо. Валентины как назло нигде не было видно, я наугад ткнулась в одну из дверей этого огромного коридора и оказалась в спальне. Комната, как и гостиная, была очень большая. В углу горел торшер. Ого, как шикарно! Валентина умеет жить, этого у нее не отнимешь. Шелковые обои, кровать удивительных размеров, трехспальная, что ли, стоит в алькове, а над ней балдахин под цвет обоев. На полу ковер с таким длинным ворсом, что я чуть не упала на своих каблуках. По такому ковру надо ходить босиком или

в тапочках с розовыми помпонами, как у куклы наследника Тутти.

Шкаф, комод, всякие пуфики, банкетки, – где у нее могут быть булавки? Неудобно рыться в чужих вещах. Я наугад выдвинула один из ящиков туалетного столика – какие-то бумажки, квитанции, в другом была косметика.

Может, в тумбочке возле кровати?

Я подошла к кровати, и тут послышался голос Валентины. Я обрадовалась и только было хотела ее окликнуть, но голос, а главное, слова вошедшего с ней мужчины заставили меня отступить глубже в альков и прикрыться занавеской.

– Слишком уж ты спешишь, – недовольно говорил Вадим, это был он, – все тебе надо сразу, я же не машина.

– А ты не тяни резину! – нетерпеливо частила Валентина. – Не для развлечения сюда пришел. Как там дела?

– Да все в порядке! – В голосе Вадима появились самодовольные нотки. – Сейчас поедem ко мне. Ты не ревнуешь? – Он засмеялся, а Валентина фыркнула.

– Ты не очень-то расслабляйся, помни о деле.

– По-моему, это все же не совсем то, что нужно, – как-то неуверенно проговорил он.

– Что? Жалко ее стало? Я так и знала, увидел смазливенькую мордашку и ножки и уже сразу раскис! Вечно вы, мужчины, смешиваете дело с развлечением!

– Да ладно тебе...

– В общем, так. Я не для того ее тебе нашла, чтобы ты за-

порол окончание дела. Живо возьми себя в руки и продолжай!

Ответом ей было угрюмое молчание. Валентина почувствовала это, и я тоже. Я думала, что Валентина сейчас заорет: «Что? Бунт на корабле?» – но она сменила тактику.

– Вадик, дорогой, все будет хорошо, осталось совсем немного.

– Устал я что-то, – пожаловался он.

– Соберись. Ты куда ее, на дачу?

– Нет, на Некрасова, шесть, так ближе.

– Сейчас не время отступить, надо закончить начатое. Ты же знаешь, такие условия. Это последнее усилие, иди, дорогой, все это ради нас.

Во время возникшей паузы я осторожно выглянула из-за занавески. Если и были у меня сомнения, когда я слушала их разговор, то сейчас они рассеялись. Эти двое целовались, причем ни о каких родственных чувствах там не могло быть и речи. Они целовались страстно, как любовники.

Выскочить из-за занавески и устроить скандал мне помешала моя женская гордость и опять-таки бабушкино воспитание, но бушевавшим во мне огнем можно было спалить не один колхозный амбар. Вот это да! Что называется, Бог уберег. Вот что бывает с теми, кто собирается в первый же вечер ехать домой к незнакомому мужчине, зная о нем только то, что пиджак на нем сидит превосходно.

«Это неправда, – одернула я саму себя, – я бы не поехала

к нему, хотя вся эта обстановка способствовала. Но не в моих правилах укладываться в постель в первый же вечер, это опять-таки бабушкино воспитание!»

Эти двое наконец оторвались друг от друга и ушли. Я выскочила из-за занавески и заметалась по спальне в полном смятении. Что они говорили обо мне? Со мной связано какое-то дело. Ясно, что Вадим Валентине никакой не брат, а любовник. Зачем же она привела его в дом и заставила ухаживать за мной? Чтобы отвести глаза собственному мужу? Но зачем вообще тащить любовника в дом? Наставляла бы рога мужу где-нибудь на стороне, а я-то тут при чем?

Ни на один из вопросов у меня не было ответа, и я решила взять себя в руки, сохранить лицо и незаметно убраться отсюда подобра-поздорову. Теперь буду помнить, что я одинокая работающая женщина с ребенком, красивая жизнь не для меня. Но сначала надо заколоть чем-нибудь юбку, а то вон уже сползает. Я открыла ящик тумбочки, он был весь завален бижутерией. Бижутерия сейчас дорогая, но это все же не драгоценности. Драгоценности, я думаю, Валентина хранит в другом месте. Перебрав всю эту кучу барахла, я увидела брошку, круглую стекляшку, стилизованную в виде паучка. Зеленое стекло, глазки в виде черных бусинок, а проводочные лапки торчат в разные стороны. Дешевка, детская игрушка, такая могла бы заинтересовать мою Аську, зачем Валентина ее хранит? Впрочем, не важно. Эта зараза не обеднеет, если я возьму грошовую брошку.

Используя паучка вместо булавки, я кое-как заколола юбку, причесала волосы и тихонько выскользнула из комнаты. В коридоре никого не было, но из прихожей слышались голоса, Валентина спрашивала: «Куда она подевалась?» Я не могла сейчас встретиться с Валентиной, она бы все поняла по моему лицу, поэтому я толкнулась в одну из дверей, дверь поддалась, я шагнула внутрь – и оказалась в совершенно другом мире. Это был... Деятнадцатый век? Или восемнадцатый? Если деятнадцатый, то самое начало. Посредине комнаты стоял большой круглый стол на звериных лапах, в углу еще один маленький столик, я вспомнила, как он называется, слово всплыло из неизвестных глубин, – ломберный, и возле него – два чудесных резных кресла; по стенам были развешаны темные старинные портреты, гравюры, миниатюры в овальных рамках, пейзажи с замками и зелеными холмами, а на одной стене висела такая огромная картина, что ни в какую современную квартиру она бы просто не влезла – метра три высотой и совершенно чудесная – на ней были изображены античные руины, и водопад, и дикий виноград, и все это было такое летнее, сонное, дремлющее...

– Добрый вечер! – раздался за моей спиной тихий детский голосок.

Я обернулась, смущенная, будто меня застали за каким-то неприличным занятием, и увидела маленькую старушку, невероятно подходящую к этой комнате – сухонькая, элегантная, в темно-синем бархатном платье с пышным ворот-

ником из желтоватых кружев, с аккуратно уложенными седыми волосами, украшенными черепаховым гребнем; она сидела в глубоком покойном кресле и приветливо улыбалась.

– Вы, наверное, приятельница Валентины?

– Да, простите, я ошиблась дверью...

– Это очень мило с вашей стороны. Ко мне так редко кто-нибудь заходит!

– Какая у вас чудесная комната!

– Спасибо, вы такая милая. Как вас зовут?

– Татьяна.

– И имя у вас хорошее. Сейчас редко называют детей простыми хорошими русскими именами. Или что-нибудь вычурное, иностранное, или, если русское, то обязательно из дворницкой... Впрочем, я, наверное, чересчур старомодна. Не хотите ли чаю?

– С удовольствием.

– Тогда поухаживайте за собой, да и за мной заодно. Чашки вон там, в буфете...

Я посмотрела в указанном направлении и ахнула: в горке стояли такие чашки, что я побоялась бы прикоснуться к ним, а не то что пить из них чай. Тончайшего фарфора, бирюзовые с золотом, расписанные нимфами и амурами, они были так хороши, что я сложила руки в восхищении и замерла, любуясь.

– Ну что же вы, несите их сюда!

– Неужели из такой красоты можно пить чай?

– А для чего же служит красота, как не для того, чтобы делать прекрасной нашу жизнь, такую невообразимо короткую? Тем более я уверена, что вы будете с ними осторожны, поскольку вы увидели и поняли их красоту. Это севр, из лучшего периода – семидесятых годов...

– Какого века? – спросила я, холодея и уже предчувствуя ответ.

– Ну не девятнадцатого же, милая! – возмущенно воскликнула старушка. – Восемнадцатого, конечно!

– Им больше двухсот лет?

– Разумеется. Что же тут такого удивительного? В этой комнате много старых вещей. Я, например. Шучу, шучу, мне немножко меньше. Достаньте четыре чашки, Танечка, у нас будут еще гости.

Я накрыла на маленьком столике в углу, там стоял электрический самовар, уже наполненный водой, заварной чайник и серебряная сахарница. Открылась дверь, вошел Цезарь, держа в зубах поводок, а за ним двигался маленький старичок, почти игрушечный. Замыкал шествие мужчина, открывавший мне дверь. Он держал в руках большое блюдо с пирожными.

– Здравствуйте, Мария Михайловна, дорогая! – обратился старичок к хозяйке комнаты. – Вы сегодня чудесно выглядите.

– Здравствуйте, здравствуйте. Познакомьтесь, Танечка, это мой старинный приятель.

Старичок поставил свою палочку в уголок, протянул мне маленькую ручку и сказал:

– Позвольте представиться – Карамазов, Николай...

– Неужели Алексеевич? – не удержалась я.

– Петрович, а батюшка мой действительно был Петр Алексеевич. Так что хотите верьте, хотите нет, а считаем себя потомками, – сказал старичок с гордостью.

Он весь был такой чистенький, аккуратненький, беленький пушок едва прикрывал розовую лысинку и одет в какой-то маленький костюмчик, наверное, в «Детском мире» покупает.

– А вы, милая барышня? – напомнил он о себе.

– Если вы Карамазов, то меня зовут Татьяна Ларина, – засмеялась я.

Они замолчали было неловко, подумали, что я так неудачно пошутила, а этот тип с пирожными нахмурился.

– Это правда, меня действительно так зовут. Паспорта у меня нет, уж поверьте на слово.

– Милая, вы мне сразу понравились! – умилилась старушка. – А с Кириллом вы ведь уже знакомы?

Значит, этого типа зовут Кирилл, я улыбнулась ему как можно приветливее. Кирилл откинул плед, и стало видно, что кресло, в котором сидела Мария Михайловна, было инвалидное. Он подкатил кресло к столику, и мы сели пить чай. Старички обращались друг к другу церемонно, по имени-отчеству, Кирилл очень предупредительно за ними ухаживал.

Выпив чашку, я встала и подошла к Цезарю, который как пришел, так сразу разлегся посредине комнаты, и стало видно, какой он огромный. Мария Михайловна заметила, что это, наверное, от большой площади он так разросся. С разрешения хозяйки я скормила Цезарю сухое пирожное, причем он так и съел его, лежа и глядя мне в глаза с выражением ослика Иа-Иа из мультфильма про Винни-Пуха, а потом подошла к картине. В ней было что-то очень знакомое.

У нас с бабушкой в моем детстве была традиция – в каждый праздник Седьмого ноября мы ходили в Эрмитаж. Раньше я думала, что это оттого, что бабушка не любила все эти демонстрации с красными флагами и криками в мегафон «Да здравствует!..» и поэтому спасалась в Эрмитаже, но потом выяснилось, что есть совершенно определенная причина. Оказывается, несколько красивейших комнат Зимнего дворца были открыты для посетителей только седьмого ноября, потому что рядом находилась столовая, где революционные матросы арестовали Временное правительство. Пройти в эту столовую можно было через Малахитовый зал, и пока я с восторгом разглядывала зеленые вазы, колонны и шкафчики, бабушка грустно качала головой. Очевидно, она представляла, как по этому бесценному паркету бежала пьяная матросня, топая сапогами и стуча прикладами.

Как бы там ни было, только Седьмого ноября можно было посмотреть и Малахитовый зал, и Синюю спальню, и Малиновый будуар, и Золотую гостиную, а в следующей ком-

нате висели картины, которые в детстве я обожала. Там были сказочные развалины, увитые плющом, как замок Спящей красавицы, старые мельницы, водопады, огромные каменные лестницы с растрескавшимися ступенями, остатки римского храма с колоннами. Картин было много, мне они нравились все. Бабушка смеялась и говорила, что изображена на них вовсе не Италия, просто художник дал волю своему воображению.

«Это-то и здорово!» – отвечала я.

Видя, что я застыла у картины, Мария Михайловна спросила:

– Что, Танечка, нравится? Вы знаете, кто это?

– Неужели – Юбер Робер? – вспомнила я забытое имя. – Неужели настоящий?

– Тут все настоящее, копий я не держу.

– Потрясающе! – Я еще раз посмотрела на картину и поймала внимательный взгляд Кирилла.

Я улыбнулась ему, как старому знакомому. Дело в том, что у меня созрел план. Надо было выбираться из этой квартиры, и если я немного пообщаюсь с Кириллом, а потом попрошу его проводить меня до метро, то, может, Вадим и Валентина оставят меня в покое? А завтра я позвоню Валентине и выскажу все, что я о ней думаю.

Открылась дверь, и в комнату вбежала Валентина.

– Ах вот ты где? Пойдем скорее, тебя ждут!

Она выглядела какой-то беспокойной. «Ничего, голубуш-

ка, сейчас ты еще больше забеспокоишься. Не знаю, какие у тебя на мой счет были планы, но я их нарушу». Поскольку я не двинулась с места, Валентина просто схватила меня за руку.

– Ну, идем же! – Ее поведение выглядело, мягко говоря, странным, если не невежливым, но я держалась твердо.

– Сейчас, Валюша, немного погодя я обязательно приду, мы еще не закончили наш разговор.

Она опомнилась, посмотрела на меня подозрительно и неохотно вышла. Мария Михайловна выглядела удивленной, очевидно, Валентина вообще не часто заходила к ней в комнату, но вслух ничего не сказала.

Я потрепала Цезаря, он равнодушно позволил это сделать, только потом тяжело вздохнул, и наконец собралась с духом:

– Что ж, мне надо идти. Очень приятно было познакомиться. Чудесный дом! – Я улыбнулась Марии Михайловне и перевела взгляд на Кирилла.

– Идите, дети, идите, потанцуйте, – сказала проницательная старушенция, – а мы уж тут сами посидим, по-стариковски. Николай Петрович расскажет мне, что нового у них в Эрмитаже, все сплетни.

Кирилл подчинился с большой готовностью, что меня обрадовало, а то я уж начала было сомневаться в своих чарах. Тоже мне еще, принц недоступный! Мы вышли в коридор и почти сразу наткнулись на Вадима, похоже, Валентина велела ему караулить, чтобы я опять не сбежала.

– Не бросайте меня, Кирилл, – умоляюще прошептала я и взяла его под руку.

– Танечка! – бросился ко мне Вадим. – Куда же ты пропала, я жду-жду...

И тут я увидела, что ему абсолютно наплевать на меня, глаза его беспокойно блестели, он суетился как-то нехорошо. Я молча смотрела на него, вцепившись в Кирилла, тогда и он обратил внимание на это досадное препятствие.

– Идемте, Кирилл, там моя любимая песня.

Проходя мимо Вадима, я услышала, как он скрипнул зубами. Мы танцевали с Кириллом один танец, потом другой, причем я зорко следила, чтобы Вадим никак не мог меня перехватить. Музыка смолкла.

– Таня, тебя к телефону! – крикнула Валентина из кухни.

Я не могла не пойти, хотя чувствовала, что дело нечисто.

– Ты что это делаешь? – набросилась на меня Валентина. – Ты что себе позволяешь? Я для того тебя пригласила, чтобы ты с этим козлом тискалась? Нашла тебе приличного человека, а она, видите ли, нос воротит!

Я страшно разозлилась и хотела было наскоро объяснить Валентине, кто тут на самом деле козел, а кто приличный человек, но тут в кухню вплыла Альбина, спросила у Валентины сигареты, пепельницу, еще что-то. Она вся была такая яркая, ее было так много... Почему брюнетки думают, что им идет красное? Очевидно, все они в глубине души воображают себя немножечко Кармен, забывая о габаритах. Однако

она отвлекла Валентину, и я благополучно ретировалась.

Кирилл куда-то исчез, зато ко мне сразу же подкатился Вадим.

– Танечка, за что ты на меня сердишься, чем я провинился?

– Когда это мы с вами успели перейти на ты? – холодно парировала я.

– Ну, лапочка, ей-богу, я исправлюсь. – Он все еще думал, что я просто капризничаю.

Нет, все-таки какого черта ему от меня надо? Вадим уже облапил меня и тащил танцевать, я молча сопротивлялась.

– Дама ведь не откажется потанцевать с хозяином дома? – раздался голос сзади.

Это был Валентинин муж собственной персоной. Как в плохой пьесе – в последнем акте обязательно появляется обманутый муж и начинает мучительно прозревать. Вадим обалдело уставился на него и убрал руки. Валентинин муж подхватил меня и повел танцевать. За всю жизнь столько не танцевала, как на этой вечеринке у Валентины! Интересно, а этому что от меня надо?

– Могу я говорить с вами откровенно? – осведомился он.

– Думаю, да, – осторожно ответила я.

– Я вижу, у вас с моей женой какая-то интрига, что-то вы все бегаєте, организовываете. Жена моя – женщина активная, энергичная, но вас я хочу предупредить: не впутывайте моего друга. Он человек доверчивый, к интригам не

привык. Развлекайтесь с мужчинами, подобными этому, – он кивнул назад, где в углу стоял Вадим, полностью подавленный необъятной Альбиной, – я не люблю, когда в моем доме обижают моих друзей.

Я хотела было ему сказать, что развлекаюсь с Вадимом не я, а его жена, что у него большие ветвистые рога, и тогда он оставил бы свой поучающе-хамский тон, но бабушкино воспитание опять одержало верх.

– Успокойтесь, вашему другу ничего не грозит. Похоже, в вашем доме обижают только меня. Позвольте пройти, я ухожу.

Я вышла не оглядываясь, кипя от злости. Ну и семейка! Единственный приличный человек – старуха в инвалидном кресле. Собака – и то ненормальная, все время лежит и вздыхает!

Я нашла в прихожей свою сумку и плащ, в это время туда выскочил Кирилл.

– Таня, куда же вы?

– Домой, уже поздно, меня дочка ждет. У вас есть дети?

– Что? Нет, то есть да, есть сын. Послушайте, я хотел извиниться за Женю. Вы с ним друг друга не поняли.

– Напротив, я прекрасно его поняла. Вы можете гордиться, что у вас такой заботливый друг, опекает вас, как отец родной.

Он засмеялся:

– Да, Женька немного переборщил. Но все уладится, он

хороший человек.

Я была уже одета и пыталась открыть замок на входной двери.

– Таня, позвольте вас проводить! – наконец догадался он.

– Только до метро. Я бы и сама дошла, но темно все-таки.

– Конечно-конечно. – Он уже вытащил из шкафа какую-то задрипанную курточку, открыл дверь, и мы наконец вышли на воздух.

Я думала, что на улице мне станет легче, но голова была тяжелая, а в висках по-прежнему стучало. Я даже чуть оступилась, Кирилл подхватил меня под руку. Настроение было паршивое, да еще я представила, как буду рассказывать обо всем Галке и как она будет ругаться. Галка заочно сразу же невзлюбила Валентину и не ждала от нее для меня ничего хорошего. Я не могла не согласиться, что ее предчувствия оказались верны. Мы шли не спеша, народу на улице было немного, потом свернули в переулок, Кирилл сказал, что так короче, как вдруг возле нас с визгом остановилась зеленая «девятка». Из нее выскочил Вадим и схватил меня за руку.

– Таня, садись в машину, я все объясню по дороге!

Я так растерялась, что позволила подвести себя к машине и только потом вцепилась в дверцу.

– Куда вы меня тащите? Я не хочу с вами никуда ехать!

– Быстро садись! – Он уже кричал злобно.

Я испугалась и вцепилась из последних сил в дверцу, Вадим обхватил меня сзади и пытался одновременно оторвать

мои руки от дверцы и запихнуть меня в машину. Я изловчилась и укусила его в руку. Вадим вскрикнул от боли, выпустил меня и толкнул так сильно, что я упала. Кирилл бросился меня поднимать, наклонился, Вадим в это время замахнулся ногой, чтобы двинуть ему как следует, но Кирилл как-то ловко показал такой коронный прием, как в кино, когда противника хватают за руку и швыряют через себя. Вадим грохнулся, но быстро вскочил, сел в машину, потирая бок, и дал газу, но перед этим страшно обругал почему-то только меня. Когда машина скрылась за углом, Кирилл посмотрел озадаченно:

– Чушь какая! Что это с ним?

Я попробовала встать, ноги меня не держали. В голове шумело все сильнее. От плаща при падении оторвались две пуговицы, вдобавок я обнаружила, что при мне нет сумочки. Поскольку поблизости она нигде не валялась, очевидно, она каким-то образом попала Вадиму в машину, когда мы боролись. В сумке были ключи, кошелек, проездная карточка, а самое главное – пропуск в банк, который я, идиотка, забыла утром выложить и оставить дома. И еще там в косметичке был бабушкин гарнитур – серьги и кольцо, перед выходом я сняла их и убрала в сумочку, потому что замочек у одной серьги был слабый.

Когда Кирилл поднял меня на ноги, я уже редела.

– Ну-ну, нельзя позволять знакомым мужчинам так с собой обращаться.

– Да я его сегодня первый раз видела! Больной какой-то!
И Валька тоже!

Он посмотрел с сомнением.

– Да честное слово, она говорит – приходи, познакомлю с приличным человеком, вот и познакомила. Черт знает что! –
От злости слезы мои высохли. – Не знаешь, она со всеми так развлекается или только со мной?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Я мало с ней общаюсь.

Я с грустью смотрела на оторванные пуговицы, вдобавок плащ еще и запачкался. Что делать? Кирилл тронул меня за руку:

– Зайдем ко мне, это тут рядом. Приведешь себя в порядок, потом я тебя провожу.

– У тебя есть телефон, мне надо позвонить, чтобы соседка спать не ложилась, ключей-то нет.

– Есть, пойдем.

Шли мы недолго. Улица называлась Зверинская, и началась она прямо от зоопарка.

– Тут близко.

– Львы по ночам спать не мешают, сильно рычат?

– Бывает. – Он засмеялся.

Мы вошли в один двор, он был проходным, потом в другой. Дворы были колодцы, и в самом темном углу Кирилл вошел в парадную. В квартире на первом этаже он сразу же зажег везде свет. Крошечная прихожая. Из нее кухня каким-то углом, две комнаты.

Кирилл достал мне коробку с шитьем и усадил на про-
давленный диван. Обстановка в комнате была бедноватая, а
впрочем, какое мне дело? Сейчас позвоню по телефону Гал-
ке и уйду.

— Ты здесь один живешь?

— Сейчас да. — Он пояснил: — Мама умерла три месяца
назад.

А когда же его бросила жена? Но опять-таки это не мое
дело. Я позвонила, у Галки было занято.

— Выпьем кофе? — нерешительно предложил Кирилл.

Пуговицы я уже пришила, плащ кое-как почистила, побы-
вала и, с позволения сказать, в ванной — маленьком закут-
ке, где стояло какое-то корыто на полу и висел душ. Да, моя
коммуналка по сравнению с этим хоромы!

Пока он заваривал кофе, я рассматривала кухню, смот-
реть-то, собственно говоря, было не на что. В маленьком
неправильной формы помещении стояли стол, два табуре-
та и шкафчик для посуды. Окно выходило в тупик. Сте-
ны трех домов образовали равнобедренный треугольник, и в
этот треугольный колодец не было входа. Жильцы с верхних
этажей бросали вниз всякую всячину; таким образом, мож-
но с уверенностью констатировать, что окно кухни Кирилла
выходило на помойку.

— Таня, садись, — позвал Кирилл, со всеми этими событи-
ями мы как-то незаметно перешли на ты.

Кофе дымился в чашках и приятно пахнул. Кофе должен

меня взбодрить, а потом я позвоню Галке и поеду домой, пускай Кирилл поймает мне машину.

Я отпила горячий кофе, вдруг голова у меня закружилась, чашка выскользнула из рук и упала на пол. Последнее, что я помню, была лужица кофе и осколки чашки на грязно-сером линолеуме.

Я проснулась оттого, что мне было жутко неудобно лежать. Спина затекла, и к тому же в нее что-то впивалось. Я открыла глаза и не увидела над собой привычного потолка с желтым пятном в углу – соседи сверху два месяца назад забыли закрыть кран и уехали на дачу. Я прислушалась машинально, стараясь уловить дыхание спящей Аськи, но вместо него услышала, как кто-то ровно дышит рядом со мной. Осторожно скосив глаза, я увидела, что рядом спит незнакомый мужчина, и, судя по тому, что я чувствовала под одеялом, он был абсолютно голый. Я прислушалась к себе, ощутила, так сказать, себя всю, и поняла, что я тоже лежу обнаженная и... ну в общем, тут все ясно. Меня охватил такой ужас, что только сильнейшим усилием воли я сдержалась, чтобы не вскочить, не заорать и не бежать отсюда в чем есть.

Кто этот тип, и как я оказалась в его постели? Так, надо взять себя в руки. Для того чтобы отсюда уйти, я должна вспомнить, где нахожусь. В голове у меня промелькнули Валентина, ее шикарная квартира, чертов костюм, странный Валентинин любовник, которого она почему-то усилен-

но подсовывала мне, потом бабуса с фарфором XVIII века... Стоп! Этого типа зовут Кирилл! Мне стало так худо, что волосы на голове зашевелились.

Оказаться в постели с первым встречным, да еще с каким-то полубомжем! И это я, приличная женщина из интеллигентной семьи с ребенком, как какая-то... Ужас сковал меня всю. Нет, надо выбираться отсюда, пока он не проснулся, смотреть ему в глаза выше моих сил, я умру от стыда. Хорошо, что я лежу с краю. Я тихонько пошевелилась, Кирилл не проснулся, только заулыбался во сне. Я сползла с дивана, стараясь не смотреть ему в лицо, — некоторые люди реагируют на пристальный взгляд, но напрасно я беспокоилась — этот спал, как ребенок. Я нашла на стуле свою одежду, было ужасно противно надевать несвежее белье. Костюм был мятый, как будто в нем валялись. Когда я успела его так изгваздать? Кирилл опять пошевелился во сне. Господи, сделай так, чтобы он не проснулся!

Я нашла в прихожей свой плащ и сумочку, открыла дверь и вылетела на лестницу. Два проходных двора я пролетела, как сверхзвуковой самолет, только тихо. На Зверинской улице не было ни души, на моих часах было без пятнадцати семь, раннее утро. Вдали от этого типа мне немного полегчало, и я вспомнила, что вовсе не хотела с ним спать, то есть совершенно не собиралась! И пришла к нему только позвонить по телефону и была совсем не пьяная, и последнее, что я помню, — это как мы пили кофе на кухне. От внезапной

мысли я даже остановилась. Он подсыпал мне какую-то гадость в кофе! Специально, чтобы я вырубилась, а он потом мог делать со мной все, что хотел. В моей душе ужас уступил место неистовой ярости. Нет, ну какая скотина! Подсыпать что-то в кофе, а потом раздеть, запихнуть в постель бесчувственную женщину... Извращенец! А с виду такой приличный, скромного вида. Старушку в кресле катает, с собачкой гуляет. А я-то хороша, развесила уши. Вадим хоть не скрывал, прямо звал домой, а этот... Господи, какая я идиотка! Правильно Галка говорит, что я рохля и мямля, что сейчас так нельзя, что в наше время надо вырывать свой кусок зубами и так далее.

И ведь ничего не поделаешь, как дура пришла к нему сама, не в милицию же жаловаться. Да там на смех поднимут! Взрослую тетю двадцати восьми лет обманом заманили в квартиру – слушать противно!

В ярости я не заметила, как добежала до метро.

– Девушка, – обратилась ко мне пожилая женщина в вагоне, – вы знаете, что у вас плащ обгорел?

– Где? – Я изогнулась и обомлела – вся левая пола плаща была обожжена, а я и не заметила, когда одевалась. Да что же это такое? Совершенно новый плащ, первый сезон всего ношу. И когда я это устроила, совершенно не помню.

Когда я вышла из метро на своей станции, ярость уступила место депрессии. Дрожащими руками я вставила ключ в замок. Дверь была закрыта на цепочку, но мне не пришлось

звонить – Галка подскочила тотчас же.

– Танька, так ты жива? – обрадовалась Галка.

– Что мне сделается! – бодрилась я из последних сил.

– Да что с тобой стряслось? Ты что, позвонить не могла, я вся испсиховалась!

– Я звонила, у тебя занято было, – вяло оправдывалась я, снимая плащ.

Галка воззрилась на жеваный и грязный костюм.

– Ты что, с хахалем в луже валялась в моем костюме?

– Извини, Галя. Я отдам деньги, с первой получки отдам.

– Да черт с ним, с костюмом, – окончательно озверела Галка, – ты на себя-то посмотри! А еще говорила, что спать с ним в первый вечер ни за что не будешь.

Видя, что от ее слов мне стало совсем плохо, Галка смягчилась и потянула меня на кухню:

– Пойдем покурим, все равно уже не заснуть.

– А Ксения? – Дело в том, что Ксения не разрешает нам курить в кухне, и я считаю, правильно делает.

– Нет ее, к дочке уехала.

Галка закурила, а я налила себе стакан воды.

– Ну, Татьяна, видок у тебя – краше в гроб кладут!

– Ничего, – бормотала я, отводя глаза, – сейчас приду в себя, потом позавтракаем, с детьми подольше погуляю, на воздухе все пройдет.

Галка как-то странно посмотрела на меня и спросила:

– Тебе что, на работу не надо?

– Надо, но ведь сегодня воскресенье, – удивилась я.

Галка вылупила глаза:

– Ты что, с дубу рухнула? Танька, сегодня понедельник!

– По-понед... – Я поперхнулась водой. – Да ты в уме?

– А чего бы, ты думаешь, я так психовала? Пропала с концами, ни слуху ни духу, я уже хотела в милицию звонить и в «Скорую».

Видя, что я смотрю на нее с недоверием, Галка разозлилась:

– Ты на часы-то свои, на календарь посмотри!

Я взглянула и похолодела: девятнадцатое сентября, понедельник.

– Это же надо так нажраться! – задумчиво констатировала Галка. – Тань, ты чего?

Она успела подхватить меня, пока я не грохнулась на пол, отвесила щедрой рукой две пощечины и плеснула водой.

– Ну, пришла в себя? Можешь ты мне объяснить, что произошло?

– Не могу, – честно ответила я, – ничего не помню.

– Говорила, не напивайся!

– Я мало пила, что-то он мне подсыпал, гадость какую-то.

– Во дает! – Галка развеселилась. – Сутки с мужиком трахалась, и ничего не помнишь? Так неинтересно!

Я подавленно молчала.

– Свекровь твоя вчера четыре раза звонила. – Галка сменила тему. – Аську ты ей обещала, но я не дала, говорю, от

матери распоряжения не было, значит, не дам.

Хоть мы и развелись с мужем почти год назад, свекровь меня не забывала, позванивала раза два в неделю, у нее обнаружилась любовь к внучке, а по-моему, она уже так привыкла меня воспитывать, что теперь ей в жизни чего-то не хватало. Галка удивлялась моему долготерпению.

– Почему ты не пошлешь ее подальше?

– Успеется! – отмахивалась я.

– Ну, Татьяна, что сейчас будешь делать?

– На работу надо идти.

– Ладно, собирайся, а мы уж поспим. Сил нет одеваться и в садик девчонок вести.

Из-за двери слышалось бурное ликование – оказывается, эти две любопытные личности в пижамах подслушивали в коридоре. Галка шикнула на них, и девчонки испарились.

Я приняла душ, высушила волосы, подкрасилась, приободрилась немного и отправилась на работу. Обо всем, что со мной случилось, я поразмыслю потом, а сейчас надо выбросить из головы посторонние мысли и сконцентрироваться на работе. Иначе можно наделать ошибок, а в бухгалтерии ошибки дорого обходятся.

На полпути к автобусной остановке я столкнулась с семейной парой средних лет. Женщина – полная крашеная блондинка подняла на меня глаза и вдруг жутко перепугалась. В ее взгляде была самая настоящая паника. Я оглянулась – может, за моей спиной движется Годзилла или Кинг-Конг?

Но нет, позади было совершенно безлюдно, то есть люди-то были, но все нормальные, никаких монстров. Значит, это я ее так перепугала? Женщина наклонилась к уху своего малорослого супруга и что-то горячо ему зашептала. Он недоверчиво посмотрел на меня, тоже изменился в лице, и эта странная парочка прибавила шаг. Я с удивлением на них оглянулась и увидела, что они просто убегают, оглядываясь исподтишка. Я пожала плечами и продолжала свой путь. Мало ли на свете разных чудаков? За кого они меня приняли? А может, у меня что-то с лицом? Я достала пудреницу на ходу и заглянула в зеркало. Вид не очень, но не настолько, чтобы люди шарахались от меня на улице.

Я завернула за угол и увидела, что к остановке подъезжает автобус, это удачно, потому что тащиться пешком до метро не было сил. Пришлось прибавить ходу, почти побежать, чего я очень не люблю, мне кажется, что бегущий человек глупо выглядит. И уже возле самого автобуса я вспомнила, что сегодня понедельник, а в понедельник обязательно надо идти в банк, а паспорта я с собой не взяла. Я резко развернулась и припустила обратно к дому, мысленно ругая себя на чем свет за бестолковость, – верно говорят, дурная голова ногам покоя не дает! Сворачивая за угол, я наткнулась на бегущего навстречу мужчину. Мы столкнулись, он на меня уставился дикими глазами и остановился. Я тоже встала как вкопанная. Столкнувшись с этим человеком, я почувствовала что-то неясное, но пугающее и страшно знакомое. Я сто-

яла и пыталась понять и наконец поняла — это был исходящий от него запах. Нельзя сказать, чтобы запах был сильный. В нос не бросался, но я-то ведь стояла с мужчиной совсем рядом. Это явно было что-то косметическое — не одеколон, нет, слабее. Скорее лосьон после бритья или дезодорант.

Я очень хорошо различаю и запоминаю запахи. Могу по запаху восстановить воспоминания, как индеец племени сиу. Индейцы завязывают в пояс сухие травки, а потом нюхают их и вспоминают все хорошее, что с ними связано, а я, когда вдыхаю запах гвоздичного дерева, сразу представляю себе бабушку, свежие пироги и уютную лампу над столом в кухне.

Так и сейчас. Этот запах был мне знаком, с ним было связано что-то важное, пугающее, но я совершенно не могла вспомнить, что именно. Все это пронеслось у меня в голове за несколько секунд, потому что мужчина обошел меня и вроде бы побежал к автобусу, но когда я зачем-то посмотрела на него из-за угла, то видно было, что в автобус он не сел, хотя мог бы успеть.

Понедельник у меня день всегда беспокойный, потому что магазин работает без выходных и за субботу-воскресенье накапливаются проблемы, которые нужно в понедельник непременно и быстро решить. Я бегала в банк, писала отчеты, сидела за компьютером, даже поесть некогда было выскочить — мы с Ниной-товароведом наскоро попили чайку, на кофе я смотреть не могла. Часов в шесть вечера меня позвали к телефону.

– Танюша, девочка моя, что же ты так убежала, надо было разбудить меня!

В первый момент я не поверила своим ушам. Этот Кирилл звонит мне как ни в чем не бывало, как будто мы с ним тысячу лет знакомы. После всего, что было, набраться наглости и позвонить! Совести у человека ни на грош!

– Как ты? – звучал в трубке веселый голос.

– Нормально, – сдавленно ответила я.

В комнате находились Нина, директор магазина Миша, да еще шофер зашел за накладными, послать этого мерзавца подальше не было никакой возможности.

– А я, ты знаешь, проспал до десяти часов. Встаю, тебя нет, даже записки не оставила, я к Женьке скорей, он у Валентины в записной книжке только твой рабочий телефон нашел.

Представив, как они с Женькой обсуждали все мои достоинства и недостатки, ноги мои подкосились, я даже села. Что еще надо от меня этому извращенцу?

– Таня, я тебя встречу после работы, прямо в магазин зайду?

– Нет-нет, – опомнилась я, – на «Фрунзенской» в восемь вечера, а сейчас у меня много работы.

Некогда было раздумывать, перед закрытием и после у меня масса дел, но уж при встрече я выскажу этому негодяю все.

В пять минут девятого я вошла в вестибюль станции метро «Фрунзенская». Он стоял там, глупо улыбаясь, с цветами – тремя чахлыми гвоздиками мерзкого поросычье-розового цвета. Если и есть на свете цветы, которые я ненавижу, так это гвоздики. Я считаю, что их можно приносить только на похороны своих врагов. По мне, уж лучше букет репейников!

Он бросился ко мне прямо бегом и все протягивал этот дурацкий букет. Пришлось взять, чтобы он отвязался. Я рассмотрела его вблизи – все в той же курточке, весь какой-то серый, потертый, гнусный свитерок и поношенные джинсы. Но не в одежде, в конце концов, дело! Он держался так уверенно и самодовольно, как будто мы с ним были давнишними любовниками, как будто не он напоил меня какой-то мерзостью, может, даже наркотиком, и сутки держал взаперти! Вот этими руками он прикасался ко мне, раздевал, этим ртом целовал... Меня затрясло крупной дрожью, и я забыла всю свою обличительную речь. Я посмотрела ему прямо в глаза и даже не проговорила, а прошипела сквозь зубы:

– Значит, так. Чтобы я. Тебя, козел. Больше. Никогда. Возле себя. Не видела. Чтобы близко ко мне не подходил и телефон выбросил! Кретин недоделанный!

Я успела заметить, как в глазах у него появилось удивление, а потом самая настоящая боль. Скажите, какие мы нежные! А может, он ненормальный? Но мне было уже все равно. Я повернулась и пошла к эскалатору, опустив с размаху букет в первую попавшуюся урну. Краем глаза я успела за-

метить восхищенное лицо контролерши – не часто на спокойной «Фрунзенской» удастся посмотреть такое представление!

Сидя в метро, увидев заново перед глазами всю эту сцену, я не ощутила удовлетворения, а только усталость. Господи, как они все мне надоели! Но как оказалось, это было только начало моих неприятностей.

Дома на телефоне уже ожидала свекровь.

– Вот, она уже идет! – радостно заорала Галка и сунула мне трубку. – Слушай, она меня достала! – пожаловалась она нарочно громким голосом.

– Здравствуй, Таня. Я вынуждена напомнить тебе, что ты пропускаешь уже четвертое воскресенье. Сначала вы были в отпуске, потом ты отговорила Асенькиной простудой...

– Но она действительно чихала и кашляла!

– Может быть, ты неправильно ее одеваешь? – немедленно переключилась свекровь.

И почему я вечно должна оправдываться?

– И потом, – продолжала свекровь, – мне не нравится женщина, которой ты доверяешь ребенка, видишь ли, ее манеры оставляют желать лучшего...

Как будто у меня есть выбор, а потом, хоть манеры у Галки действительно не очень, но ей я могу доверить ребенка хоть на месяц, в отличие от свекрови, которая, несмотря на то что всю жизнь проработала в школе, абсолютно не умеет

обращаться с детьми. Аська с ней невыносимо скучает, и посещения свекрови для нее нож острый.

– Ты не права, Таня, что... – начала свекровь свое, привычное, но я весьма невежливо ее прервала:

– Простите, Анна Александровна, если у вас нет ко мне конкретных вопросов, то я предпочла бы перенести наш разговор на более удобное время. Сейчас я очень устала.

– А где же ты пропадала вчера весь день? – прямо осведомилась свекровь – очевидно, любопытство одержало верх над приличиями.

– Это вас не касается, – спокойно ответила я и повесила трубку.

– Наконец-то ты начала нормально с ней разговаривать! – одобрила Галка из кухни.

Я уселась за ужин одна, потому что детей Галка уже накормила. Что бы я без нее делала? Аппетита не было, Галка сурово наблюдала, как я ковыряюсь в тарелке.

– Ну, прояснилось у тебя в голове?

– Не очень, – вздохнула я.

Поскольку Галка смотрела на меня выжидательно, я поняла, что придется ей кое-что рассказать. И рассказала – про сволочь Валентину, про Вадима и про этого тихоню, который на самом деле оказался таким подлецом.

– Да уж, погуляла ты, Татьяна! – восхитилась Галка. – Все из-за этой Вальки, и зачем ты с ней связалась? Принца прекрасного она, видишь ли, захотела. И когда ты поймешь, что

нету на свете принцев и надо брать что есть, а то так и останешься одна с ребенком.

Все, сейчас начнется. Сейчас Галка опять начнет вспоминать Толика.

Месяцев восемь назад в нашем доме объявился Толик, приятель Сережи и компаньон. Толик высмотрел меня на рынке, когда мы с девчонками принесли Галке поесть и кофе в термосе. Тут как раз случился Новый год, мы встречали его все вместе, большой компанией. Новый год – веселый праздник, все накачались шампанским, резвились, мы, кажется, даже поцеловались с Толиком на кухне – в общем, Толик положил на меня глаз и попросил Галкиного содействия.

Галка взялась за дело с увлечением. Кроме известной бабской привычки – всех сватать и женить, она руководствовалась абсолютно трезвыми соображениями. Она сразу же все рассчитала – как Толик женится на мне, как я уйду с работы, мы все вчетвером организуем свою фирму, я буду вести бухгалтерский учет и вообще все бумажные дела, а Галка с Толиком и Сережей будет по очереди ездить за товаром. Галке с ее деятельной натурой сидеть в четырех стенах невыносимо.

Не утруждая себя никакой дипломатией, Галка тут же изложила мне весь свой план и страшно удивилась, когда я стала отказываться.

Сам по себе Толик был человек неплохой, по характеру хозяйственный и незлобивый, выпивал в меру, старался при мне не ругаться матом. Но он почему-то всегда ходил с по-

луоткрытым ртом, что придавало ему глуповатый вид. Нос у Толика плохо дышал, поэтому он частенько хрюкал. Еще я подозревала, что он храпит по ночам, но проверить это у меня не возникало желания. Кроме того, в разговоре Толик иногда путал падежи. Когда я изложила Галке все соображения, по которым не могу выйти замуж за Толика, она пришла в ярость, сказала, что я сама не знаю, чего хочу, а падежи у нас по телевизору половина политиков путает. Она так на меня наседала, что пришлось пожаловаться Сереже, он полчаса хохотал, а потом вправил ей мозги, но Галка еще долго дулась и три дня со мной не разговаривала.

Поэтому сейчас я поскорее удалилась в комнату, пока Галка опять не начала вспоминать Толика. Мы немножко почитали с Аськой про волшебника из страны Оз. Сначала читала она, а потом я – чтобы поскорее закончить главу и лечь спать. Пока я стелила постель, Аська залезла в ящик стола и стала перебирать там бусы, цепочки, клипсы.

– Мама, а где же бабушкины сережки? – Она держала в руках пустую коробочку.

У меня глухо ухнуло сердце. Неужели со всеми этими передрягами я потеряла бабушкину память? Я вспомнила, как, собираясь уходить от Валентины тогда, субботним вечером, сняла сережки и кольцо и убрала их в косметичку. Вот они так и лежат, завернутые в носовой платок. Я вспомнила, как мы шли с Кириллом по улице, как нас догнала машина Вадима, потом была драка, но постойте, он ведь увез мою сум-

ку! Да, я точно помню, именно поэтому я и пошла домой к тому извращенцу, чтобы позвонить. А утром в понедельник, когда я оттуда убегала, сумка как ни чем не бывало стояла на столике в прихожей. Откуда она взялась? Вадим привез? Или Кирилл за ней съездил? Скорее всего Вадим отдал ее Валентине, а Кирилл забрал. Очень мило, уже полгорода знает, что я сутки провела у этого ненормального. А впрочем, наплевать и забыть, забыть их всех! Я поцеловала Аську и погасила свет.

Аська уже начала тихонько посапывать, и я задремала, как вдруг перед глазами поплыли огненные круги, я будто наяву услышала треск горящего дерева и запах дыма. Я почувствовала, как меня обдало жаром, как что-то давит на меня и не дает вырваться. Я находилась в каком-то темном помещении и словно муха билась в маленькое заколоченное оконце. Запах дыма становился все сильнее, я уже задыхалась. В это время фанера, которой было заколочено окно, поддалась, я высунула голову, потом рванулась и вылезла на белый свет.

Через минуту я осознала себя сидящей на постели, сердце гулко билось.

«Все хорошо, – успокаивала я саму себя, – просто сон плохой приснился, это от духоты».

Я встала, открыла форточку, подышала свежим ночным воздухом, потом заснула.

Первое, что я увидела, выходя из своего подъезда на следующее утро, были бежевые «Жигули» с открытым капотом. Хозяин машины копался в моторе, зарывшись в него по пояс, так что снаружи были видны только брюки и ботинки. Брюки неплохие, хорошей ткани, но внизу, возле отворота, красовалось пятно мазута. Обидно. Мазут попробуй выведи, намучаешься.

На работе опять навалилось столько дел, что все заботы и вчерашний сон забылись начисто. К обеду я разгребла все самое неотложное и вышла немного пройтись. Я решила начать борьбу за здоровый образ жизни, потому что мой организм начал давать сбои. Поэтому надо больше гулять, пораньше ложиться спать, пить больше апельсинового сока и совсем бросить курить. Тогда исчезнут кошмары и вообще разные странности.

И когда я в совершенно благодушном настроении подходила к мороженице «Баскин Роббинс», со мной вдруг поравнялся маленький кривоногий мужичонка с торчащими вперед, как у кролика, зубами и тихо проговорил, как бы ни к кому не обращаясь:

– С тобой хочет встретиться Шаман.

– Что вы сказали? – переспросила я удивленно, поворачиваясь к странному типчику.

– Головой не верти! – шикнул он сердито и вместе с тем испуганно. – Делай вид, что мы незнакомы.

– А мы и правда незнакомы, – фыркнула я. – Еще не хватало мне такого знакомого!

– Ты не очень-то, – начал было он угрожающе.

Я оглянулась по сторонам. Московский проспект днем очень оживлен, в основном, конечно, машины, но и пешком люди ходят, поэтому я не очень волновалась.

– Послушайте, идите своей дорогой, я вас не знаю и знать не хочу и Шамана, кстати, тоже не знаю.

В мгновение ока он схватил меня за локоть как железными клещами и потянул в сторону от проходящих людей. Этого еще не хватало. Я только открыла рот, чтобы закричать, как мужичонка остановился и тихонько сказал мне в ухо:

– Я тебе говорю, Шаман хочет с тобой встретиться. Он тебя в воскресенье в деле видел, ты ему очень глянулась. – При этих словах он пихнул мне в руку какую-то бумажку.

Бумажку я не взяла, и она упала на асфальт.

– Послушайте, – начала я терпеливо, – вот тут в соседнем квартале, если завернуть в переулочек, находится отделение милиции. Я в этом районе не чужой человек, работаю я тут недалеко, поэтому в этом отделении у меня масса знакомых. Так что если я сейчас заору, может, вы и убежите, но недалеко, потому что я подробно опишу ваши приметы, скажу, что вы сперли у меня кошелек и мои друзья милиционеры выкопают вас из-под земли. Так что...

– Так и знал, что с бабы никакого проку не будет! – с досадой сказал мужичок. – А только Шаману ты очень понравилась в деле, с ним не поспоришь. Видел он тебя в воскресенье, как ты пятерых Савёловых раскидала.

Новое дело, опять про воскресенье!

– Вы уверены, что Шаман ничего не напутал? – машинально спросила я. – Не могла я нигде быть в воскресенье.

Теперь уже мужичонка посмотрел на меня дикими глазами, они к тому же были розовыми, как у кролика. Ему бы уши – вылитый Братец Кролик!

– Шаман никогда ничего не путает! – наставительно сказал он. – В общем, так. Я тебя в Удельной не видел, ничего не знаю. Мне велено записку передать, я передал. – Он нагнулся и с кряхтением поднял записку.

– Вот, держи, а я пошел.

Я в задумчивости прошла мороженщицу, потом развернула бумажку. Там была такая странная запись: 22.9.18.46 ВШ.

Так, допустим, 22.9 – это двадцать второе сентября, 18 – это время, восемнадцать часов, а что такое ВШ? Сорок шесть весьма шизонутых? Сорок шестая военная школа? Сорок шесть вагонов шоколада? Бред какой-то!

Я отбросила это бред в дальний угол сознания, клочок бумажки машинально сунула в сумку и в расстроенных чувствах вернулась на работу: мороженого совершенно расхотелось.

Относительно своего знакомства с половиной отделения милиции я этому Братцу Кролику не наврала, но слегка преувеличила, потому что один знакомый милиционер у меня был, правда, кажется, не из этого отделения.

Московский проспект – оживленная правительственная магистраль. Дорога из аэропорта проходит здесь. Все высокие гости нашего города проезжают мимо нашего магазина. Он расположен на углу Московского и маленького безымянного переулочка.

Однажды, где-то полгода назад, ждали не то бельгийскую королеву, не то шведского премьер-министра – короче, возле нашего магазина, и не только возле него, толклось множество милиционеров. Бельгийская королева что-то запаздывала: женщина есть женщина – может, у нее тушь потекла, может – петля на чулке спустилась, но бедная милиция мерзла на улице, потому что дело хоть и происходило в начале апреля, но в нашем городе апрель считается наполовину зимним месяцем. Мы от всей души сочувствовали бедной милиции, которая несла свою трудную и опасную службу под окнами нашего магазина, а потом к нам в офис заглянул молодой милиционер с красным носом (не подумайте ничего плохого, это было от холода). В офисе находились только мы с Ниной, и милиционер, увидев двух молодых интересных женщин, несколько растерялся и деликатно сказал, что унитадов импортных в магазине навалом, а вот нет ли одного, подключенного к фановой трубе, он согласен и на наш,

отечественный. Нинка ужасно смешливая; пока я объясняла бедному милиционеру, куда пройти, она еле сдерживалась, зато потом, чувствуя себя виноватой, напоила его кофе. И милиционер влюбился, потому что у Нинки чудные ямочки на щеках и хорошая улыбка. Звали милиционера Васей, фамилия тоже соответствовала – Курочкин, и оказался он хорошим парнем, хоть взаимности от Нины так и не дождался.

Нину мы отстояли всем магазином, но Вася не обиделся, что им пренебрегли, и теперь изредка забегает к нам на огонек выпить кофейку.

Кое-как доработав до конца дня, я, выходя из офиса, увидела на обочине голубые «Жигули» с открытым капотом. Хозяин, как водится, ушел в мотор по пояс, выставив наружу брюки и ботинки. Не зря говорят, барахло машина «Жигули»! М-да, брюки были серые, хорошей ткани, с пятном мазута возле отворота, я их сегодня уже видела. Как это понимать? Машина другая, а брюки те же самые? Интересный человек. Брюки у него одни, а машин – как собак нерезаных. Я прошла мимо него и замедлила шаг – очень уж мне захотелось разглядеть его получше, но в этом я не преуспела. Удалившись на безопасное расстояние, я оглянулась – вдруг он вылезет и я смогу его рассмотреть? Но я увидела кое-что другое, от чего мне стало не по себе.

По тротуару неторопливой расхлябанной походочкой шел смуглый молодой человек в мятых вельветовых брюках и бежевом свитере. Он никуда не спешил и поддавал ногой пу-

стую банку из-под пива. Проходя возле голубой машины, он неловко поддал свою банку, и она скатилась с тротуара. Пружинистой, танцующей походкой брюнет сошел на мостовую рядом с хозяином неисправных «Жигулей», как-то неуловимо взмахнул рукой и снова выкатил банку. Я следила за его грациозными движениями, но какой-то внутренний толчок заставил меня перевести взгляд на человека в приметных брюках. В его позе что-то неуловимо изменилось. Он так же стоял, зарывшись в мотор своей машины, но стоял как-то безвольно обмякнув. Он не стоял, а лежал, навалившись грудью на мотор. Я не так часто видела мертвых людей, но внутренний голос сказал мне, что этот человек мертв. Я лихорадочно завертела головой в поисках грациозного брюнета, но его и след простыл.

Что делать? Я покрылась испариной от страха и волнения и поскорее побежала прочь. Сердце билось, как зверь в клетке. Эти подозрительные брюки и машины стоят всегда то рядом с моим домом, то с офисом... И похоже, что убийства, кроме меня, никто не заметил. Я остановилась и решительно повернула назад, надо вернуться. Но, выйдя из-за угла, я застыла в полной растерянности: улица была пуста, никакой машины и, уж тем более, никакого покойника. Что же, мне это все померещилось? До сих пор я не страдала галлюцинациями. Что же, он сам сел в машину и уехал? Интересный покойник, подвижный и технически грамотный. Я начала сомневаться в своем рассудке.

Но самое интересное было еще впереди. Вечером мне позвонила знакомая, Лиля Свитская, и с нескрываемым интересом спросила, в своей обычной манере растягивая слова:

– Татьяна, у тебя что, новый роман?

– С чего ты взяла?

– Ну, с кем это ты была в воскресенье в машине?

– В какой машине? – Сердце у меня тревожно забилося от неясного предчувствия.

– Ну, я не помню в какой, в синей или в зеленой... Ты у меня еще марку спроси, я в них не разбираюсь... Я свою-то трудом запомнила, только по мужу и узнаю... Но тебя-то я точно разглядела, мы на переезде рядом стояли...

– Да не тяни ты, Лилька! – С Лилей разговаривать – это, доложу я вам, мука мученическая. – Не тяни! На каком переезде?

– Ну как на каком? Мы на дачу ехали. Переезд возле Репина, мы рядом с тобой стояли, я тебе машу-машу, а ты на меня посмотрела, как будто первый раз видишь... И такой мужчина интересный за рулем был! Кто это?

Вспомнив интересного мужчину, Лиля слегка оживилась, даже говорить стала быстрее.

– Какой хоть мужчина-то? Блондин, брюнет?

– Ну ты даешь! Не помнит, с кем в машине ехала! Блондин, конечно! Стану я на брюнетов пялиться! Но вы с ним не одни были, на заднем сиденье еще двое сидели, но неинтересные.

– Лилечка, ты ничего не путаешь? Это точно меня ты видела?

– Ой, ну ты даешь! Я еще пока в маразм не впала! Конечно, тебя! Да ты что, пьяная, что ли, была – не помнишь ничего?

– Да я сама ни черта не понимаю. А когда это было-то?

– Я же тебе говорю – в воскресенье!

– Да понимаю, что в воскресенье. А в какое время?

– В какое время?

Я тотчас поняла, что допустила ошибку. Спрашивать Лилю о времени было бесполезно. Она и время – это две вещи несовместные. Она никогда не знала, который сейчас час, всегда и всюду опаздывала и искренне удивлялась, если кто-то был этим недоволен.

– Лилечка, хоть примерно!

– Примерно... Утром мы вообще-то на дачу ехали... А-а! – Лиля вдруг страшно обрадовалась, вспомнив что-то, что могло помочь ей определить время. – Это было за три часа до пожара!

– Какого пожара?

– Ну как же! Там такой пожар был в Учительском, возле Репина, большой дом сгорел, как свечка, машин пожарных понаехало, но ничего не смогли сделать, одни угли остались!

Я вспомнила свой серый плащ с прожженной полрой, и мне стало нехорошо.

Время было позднее. Я зашла к Галке за Аськой. Они все

смотрели новости, я взглянула на экран и застыла на месте.

«— Следственная группа прокуратуры прибыла сегодня на место крупного пожара, случившегося в поселке Учительское в минувшее воскресенье», — звучал голос диктора за кадром, а на экране телевизора были черные обугленные стены большого загородного дома, окруженного огромными соснами, теперь тоже обугленными. Участок был большой, огороженный бетонным забором, и сердце мое при виде этого обгорелого дома исступленно забилось. Я видела это место! Но где и когда?

Где — понятно, но вот когда? Еще этот Лилькин звонок... Что со мной происходит? С ума я, что ли, схожу? А диктор продолжал:

«— По делу о пожаре у следствия появилась новая информация. Как считает следователь Громова, в Учительском имело место столкновение двух преступных группировок, в результате которого коттедж был умышленно сожжен. Возможно, эти же люди принимали участие в криминальной разборке, происшедшей в тот же день, в минувшее воскресенье в восемь часов вечера, на Выборгском шоссе. В связи с этим делом разыскивается женщина: рост около 165 см, блондинка, была одета в серый плащ и темно-синие туфли...»

— Тоже мне, приметы, — фыркнула Галка, — да под них кто угодно подходит, вот даже ты...

— Разве я блондинка? — растерялась я.

— Ну, пепельная...

Галкины слова повергли меня в ужас. Кстати, где же плащ? Утром в понедельник я второпях сунула его под вешалку, чтобы Галка не заметила и не начала расспрашивать. Девчонки перебрались в нашу комнату, потому что Галка укладывала Стасика, я достала плащ и заперлась с ним в ванной. Так, пола обгорела прилично, носить уже невозможно, и как это я сразу не заметила? Придется его выбросить, чтобы не расстраиваться. Машинально я проверила карманы, и что-то в правом царапнуло мне руку. В руке у меня была довольно тяжелая золотая цепочка с крупными порванными звеньями – такие носят сейчас бандиты, отморозки с бритыми затылками и неандертальскими низкими лбами. Откуда у меня эта цепь? Я взяла ее в руки и вдруг заметила, что замок на ней разорван и вся она вымазана чем-то липким и ржавым. Господи, да это же кровь! И вдруг перед моим внутренним взором встало лицо с выпученными глазами и разинутым в крике ртом, я ощутила, как тяну за цепочку и она рвется...

– Таня! Таня, ты что там так долго? Открой, девчонкам надо зубы чистить! – Галка стучала в дверь ванной.

Я очнулась, завернула плащ в узел и запихнула глубоко под ванну, а цепь отмыла от крови и сунула в карман халата. Мысли мои метались в голове абсолютно беспорядочно, как жучки-водомерки на поверхности пруда. Что же это происходит? Я точно помню, что выпила кофе и отрубилась. И очухалась только в понедельник утром в постели со спящим

Кириллом. Но факты говорили сами за себя.

Во-первых, сумка. Она появилась в квартире Кирилла за это время. Во-вторых, обгорелый плащ и пожар в Учительском поселке. Может быть, пока я была без чувств, кто-то надел мой плащ, съездил за сумкой и вообще что-то делал, прикрываясь мной? Чушь какая, кому это нужно, и потом, ведь Лиля видела именно меня, а я ее не узнала и вообще ни черта не помню, куда я ездила и с кем. Кроме этого, есть еще безапелляционное высказывание какого-то Шамана, что он видел меня в деле вечером в воскресенье. Очевидно, это и была та разборка, про которую говорили по телевизору. Один человек может врать, но когда несколько, то либо они все сговорились, либо дело во мне. Скорее всего последнее. Теперь прибавились еще чужая золотая цепь и эти странные видения.

Я подумала еще немного и поняла, что мне остается только одно – позвонить Кириллу и прямо спросить у него, где я находилась сутки и еще одну ночь – с вечера субботы и до утра понедельника. Как ни противно мне будет разговаривать с этим ненормальным, но иного выхода нет.

Однако легко сказать – позвонить. Телефона-то его у меня нет! Я закрыла глаза и сосредоточилась. Вот я сижу у него в квартире и набираю номер, чтобы позвонить Галке, а сама машинально рассматриваю аппарат. Телефонный аппарат старый, с разбитым корпусом, склеенным скотчем. Кнопок нет, надо по старинке крутить диск. А внизу вставлен номер,

номер этого телефона. И что-то я тогда отметила про себя. Цифры повторялись... вспомнила – 28–28, мой возраст два раза подряд! А первые цифры номера, вероятно, такие же, как у Валентины, дома находятся близко. Рискнем!

Я прокралась в коридор, все уже угомонились, и там было темно. С непонятно отчего бьющимся сердцем я набрала семь цифр. Сначала были долгие длинные гудки, потом на том конце сняли трубку.

– Алло, алло, это Кирилл? – полушепотом спросила я.

– Да, я вас слушаю.

– Добрый вечер, это... это Таня.

Он помедлил чуть-чуть и повесил трубку.

* * *

На ночь я напилась чаю с мятой, поэтому спала хорошо, только под утро приснился сон, как я бегу под дождем по пустынной улице и вбегаю в незнакомую парадную. Подъезд старый, обшарпанный, пахнет кошками, но на потолке сохранилась лепнина, а на втором этаже на площадке под окном в нише скульптура ангела с отбитым крылом. Я проснулась в нервах. Сон был таким правдоподобным, но ведь наяву в этом доме я никогда не была.

По утрам у нас в квартире сумасшедший дом – девчонки хулиганят, Стасик ревет, Галка орет на всех – некогда заниматься самокопанием. На работе с утра тоже была суета, а

после обеда вообще сломался компьютер и Миша озверел. Вообще-то он парень спокойный, но иногда на него находит. Он наорал на меня, я – на него, немного, только чтобы разрядиться. Поскольку я такого раньше никогда себе не позволяла, он удивился и замолчал, но в банк мне пришлось идти пешком. По дороге я все время оглядывалась, мне казалось, что за мной следят. Это уж совсем ни в какие ворота не лезет, мания преследования – это симптомчик! Не в силах сдержаться, я оглянулась – у дверей магазина стояли бежевые «Жигули», и внутри кто-то сидел. Интересно, какие у него брюки? Если те же самые, серые с мазутным пятном, значит, я точно рехнулась. Сама себе удивляясь, я достала пудреницу и посмотрела в зеркальце. «Жигули» тихонько отъезжали. На всякий случай я записала их номер на случайно оказавшейся в сумочке салфетке. Взявшись за ручку двери банка, я оглянулась, и мне показалось, что бежевые «Жигули» мелькнули неподалеку. И Лилька, которую ночью осенило, позвонила мне с утра на работу и сказала, что точно вспомнила, она видела меня в «Жигулях» темный беж, даже, скорее, кофе с молоком. И еще она выяснила у мужа, когда точно это было – поздним утром, в двенадцатом часу, потому что с утра, с восьми часов, был дождь, они даже решили вообще на дачу не ехать. А потом дождь прошел, вот и получилось, что припозднились. Молодец Лилька, ведь может же, когда хочет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.